

«...Она постоянно создавала себе миражи...»: алгоритмы описания литературного наследия Евгении Тур по архивным источникам¹

Евгения Тур, урожденная Е.В. Сухово-Кобылина (1815–1892), в замужестве графиня Е.В. Салиас, сестра драматурга А.В. Сухово-Кобылина, мать исторического романиста Евгения Салиаса, переводчица, журналистка, беллетрист, хозяйка литературного салона, издательница журнала «Русская речь», была в центре российской культурной и политической жизни почти 30 лет. Ее творчество оказало сильное влияние на формирование психологического романа и определенного типа взаимоотношений в литературной, журналистской, интеллектуальной среде второй половины XIX в. В статье рассматриваются жанры художественной литературы, эгодокументов и публицистики, созданные Евгенией Тур. Обсуждаются подходы к изучению мифологизации ее образа.

Ключевые слова: Евгения Тур, восприятие в России XIX–XX веков, культ, легенда, дискуссия, роман, театр

Evgenia Tur, nee E.V. Sukhovo-Kobylyina (1815–1892), countess E.V. Salias in marriage, sister of the playwright A.V. Sukhovo-Kobylin, mother of historical novelist Evgeny Salias, translator, journalist, fiction writer, was at the center of Russian cultural and political life for almost thirty years. The hostess of the literary salon, the publisher of the magazine “Russian Speech”, her women’s writing had a strong influence on the formation of a psychological novel and a certain type of relationship in the literary, journalistic, intellectual environment of the second half of the XIX century. The dynamics of the entire role complex in her literary and social activities and genres set in fiction, ego documents and journalism is examined in the paper. Approaches to the study of her image mythologization and some issues of cultural distortions are also discussed.

Keywords: Evgenia Tur, reception in Russia of 19th–20th centuries, cult, legend, discussion, novel, theater

Евгения Тур, урожденная Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина (1815–1892), переводчица, журналистка, писательница, сестра драматурга А.В. Сухово-Кобылина, мать исторического романиста Евгения Салиаса, почти 30 лет находилась в центре русской культурной и политической жизни. Хозяйка литературного салона, издательница журнала «Русская речь», автор повестей, без которых трудно представить себе становление психологического романа, она во многом сформировала определенный тип отношений в литературной, журналистской, интеллектуальной среде второй половины XIX в.

Думается, нет необходимости излагать биографические сведения, но полезно хотя бы кратко представить ее творческий и жизненный путь сквозь оптику тех, кто обращался по разным поводам к судьбе и наследию писательницы. Динамика рецепции способствует выявлению очертаний всего ролевого комплекса, который складывался и в самой деятельности Е.В. Салиас на протяжении почти полувека, в функционировании сложного синтеза жанров в беллетристике, эгодокументах, публицистике, в том, как менялось ее восприятие, рождались легенды о ней в ближних и дальних литературно-бытовых кругах, в какой-то мере отражающие стилистику ее поведения.

Внимание к Евгении Тур читателей, критиков, исследователей было неравномерным на протяжении всей ее творческой жизни. Кульминации и спады этого интереса отчетливо видны в библиографическом своде данных, охватывающем почти полтора столетия [Бирюкова, Стрижев, 2015; Пенская, 2012; Смирнова, 2005; Строганова, 2015]. Беллетристика Евгении Тур более-менее попадала в сферу исследовательского внимания, чего нельзя сказать о публицистике, путевых очерках: многое не расшифровано и не опубликовано [Добролюбов, 1861; Ипатов, 2021]. Особого внимания заслуживают архивные материалы. Они рассредоточены по хранилищам: находятся в ОР ГИМ, ГАРФ, ОР РНБ. Но самые значительные комплексы материалов содержатся в РГАЛИ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 22-68-00066).
The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project No. 22-68-00066).

в фонде 447 (представлены в основном перепиской с родными — отцом, братом, сестрами, детьми, зятем Иосифом Гурко, сыном Евгением Салиасом, а также с литераторами). Еще одно большое собрание находится в отделе рукописей РГБ в семейном фонде (223), недавно открытом для историков литературы и культуры. В эпистолярном наследии Евгении Тур обнаруживается лаборатория путевого и бытового очерка — того жанра, что украшал ее собственный журнал «Русская речь» (1861–1862).

*Ж*урналистский репертуар Евгении Тур широк, и с 1853 г. в течение 12 лет она практикуется в написании путевых заметок, нередко обретающих эпистолярную форму. Собеседник, названный, как правило, в посвящении, значим структурно в поэтике травелога, поскольку путевые эскизы построены в виде монологов, обращений к конкретному адресату, насыщены диалогами. Хронотоп и объем этих записок, сделанных в дороге, внушительны по охвату территорий, где побывала автор и откуда она присылает свои репортажи. Разнообразен и ландшафт изданий, с которыми сотрудничает Е. Тур. Она дебютирует в газете «Санкт-Петербургские ведомости» в 1853 г. десятью «Крымскими письмами», обращенными к родственнику Николаю Ивановичу Шепелеву, полковнику, предводителю дворянства Калужской губернии. В первом письме делится своим писательским кредо:

Моя страсть <...> состоит в каком-то неугомонном желании бродить по чужому городу, по незнакомой деревне, заглядывать с равным любопытством в избу простолюдина и в публичное здание, в способности увлечься разговором умного, на пути встретившегося человека, детской болтовней девочки, опершейся на перила крыльечка, или простым рассказом мужика, или, наконец, ссорою двух торговков на рынке под навесом городской площади, которые, вдруг пораженные смехом проходящей барыни, донны, синьоры или дамы (смотря по нации), расходятся пристыженные или обращают свой гнев на нее, на ее невинный смех, а она проходит мимо, и равно забавляют ее и гнев, и равнодушие. Но ужели надо ехать далеко, чтобы испытать наслаждение кочевья или бродяжничества, если возможно так выразиться? Неужели, чтобы бродить по улицам, заглядывать в лавки, зевать на площади, надо проехать тысячу верст? В том-то и беда, что именно это наслаждение становится доступно только при виде новых предметов, быстро сменяющихся, — но зато это наслаждение не променяю я ни на какое другое. Приятна мне беседа наша, друзья мои, греет меня и живит ваше присутствие, уютно мне в моем кабинете, посреди тысячу раз перечитанных книг, знакомых картин, лиц и портретов — словом, воспоминаний прошедшего — грустно мне было оставить и вас, и мой уютный уголок, но легче мне жить, но вольнее дышать, но существую я полно, свободно и радостно только тогда, когда я кочую. Вот и здесь, при виде страны незнакомой и чужой — я ожила опять [Тур, 1853: 827].

Думается, признание не только распространяется на данный жанр, в котором Евгения Тур чувствует себя органично, но и дает ключ к ее миру — литературному и бытовому. Умственная подвижность, бродяжничество, естественное переключение с одного предмета на другой. Легкое дыхание, порой граничащее с поверхностностью, стремительность, оптическое искусство, создающее повествовательный калейдоскоп, — печать узнаваемого авторского нарратива читатель находит и в «Парижских письмах» в «Русском вестнике» (1858), и в эпистолярных циклах «Из-за границы», «За границей и у нас» в «Северной пчеле» (1862, 1863), и в серии корреспонденций «Из Парижа» в «Библиотеке для чтения» (1864), и в регулярном «Парижском обозрении» в газете «Голос» в течение двух лет — с 1864 по 1865 г.

*П*ри всей кажущейся разнице смысловых задач биографический очерк и травелог в творчестве Е. Тур максимально сближены и представляют собой синтез, в котором богатая россыпь интеллектуальных, литературных, бытовых зарисовок сопровождается диффузией форм — лирическими отступлениями, философскими рассуждениями, нередко острой полемикой. Как писательница она существует на пересечении беллетристики и публицистики, испытывает границы этих сфер, исследует историю идей и эволюцию жизнестроительных практик [Пенская, 2013: 416–465].

Для Евгении Тур 1870–1880-е гг. — пора воспоминаний, подведения итогов. Похоже, хронике своей жизни она именно тогда и составляет, приводит в порядок документы, перебирает

переписку прежних лет [Пенская, 2012: 194–227]. В мемуарных источниках и в эпистолярном наследии рассыпаны, кроме всего прочего, неизвестные факты о пребывании в Выксе — родовом имении, принадлежавшем семье матери, Марии Ивановны, урожденной Шепелевой, где Сухово-Кобылины проводили немало времени [Странная судьба, 1987]. Эти эпистолярные травелоги — многостраничные корпуса писем, по большей части не опубликованных, — настоящая исследовательская целина, погружение в которую обещает открытия. Например, прочтение писем Е. Тур, адресованных родственникам, написанных во время пребывания в Выксе в 1858–1860-х гг., проясняет беспримерное значение домашнего выксунского театра, в конце XVIII в. созданного еще Баташевыми, первыми владельцами металлургических заводов и имения, затем переданного наследникам Шепелевым. Как можно судить по эпистолярному наследию Евгении Тур, выксунский театр стал средоточием художественной эстетики 1820–1850-х гг. и в то же время своеобразной — усадебной — концентрацией русской литературной жизни, отразившейся в том числе в ее собственном театральном мышлении и драматургии брата А.В. Сухово-Кобылина, написавшего в Выксе свою первую пьесу «Свадьба Кречинского».

Сюжет о выксунском театре, «миражном» наследии, утраченном, но собираемом по крупинкам, нуждается в отдельном пояснении и структурно в данном материале функционирует как вставка. В мемуарах, письмах, черновиках Евгении Тур содержатся портретные зарисовки тех, кто так или иначе был причастен к театру в Выксе в разные его периоды. Театральные эпизоды в эгодокументах Евгении Тур, как правило, делятся на два типа: события, в которых автор принимала участие или чьим непосредственным свидетелем была, либо повествование о преданиях, циркулировавших в семейном кругу и за его пределами в первой половине XIX в. Описания неравномерны. Лаконичный стиль, простой перечень имен, мест соседствует с пространными размышлениями или мини-очерком о театральной жизни выксунской усадьбы.

Подобные фрагменты встречаются прежде всего в двух группах источников. К первой группе относятся «Воспоминания о детстве и юности». Этот историко-культурный документ насыщен бытовыми деталями. Припоминание впечатлений, проступающих сквозь толщу пережитого, позволяет и читателю, и автору восстановить зрительно характеры отношений между людьми, богатое и многослойное устройство жизни. В полном объеме этот текст не публиковался.

Второй документ в этой мемуарной группе — обширный очерк «Профессор П.Н. Кудрявцев», изданный дважды. Петр Николаевич Кудрявцев, историк, преемник Т.Н. Грановского в Московском университете, был «домашним человеком» в доме графини Салиас. Второе, более позднее, издание, посвященное ему, дополнено и опирается на черновые заготовки к «Воспоминаниям о детстве и юности». В них затрагивались события, выходящие за рамки первоначальной задачи — рассказать о двадцатилетии, на которое пришлось молодость Елизаветы Васильевны. Кроме того, есть и наброски, касающиеся выксунского театра, и если в очерке, за исключением главного героя и его супруги Варвары Арсеньевны, практически нет имен и конкретных названий, то в подготовительных материалах они присутствуют.

Существенным фактическим дополнением к первой мемуарной группе документов является вторая группа, эпистолярная, — письма Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир сестрам Софье Васильевне Сухово-Кобылиной и Евдокии Васильевне Петрово-Соловово, отправленные из Выксы с 1851 по 1856 г. Эти письма хранятся в Отделе рукописей РГБ в семейном фонде Сухово-Кобылиных и Петрово-Соловово (ф. 223).

Картины деревенской жизни, пейзажи, события в опубликованной версии очерка о П.Н. Кудрявцеве, а также в черновиках «Воспоминаний...» и выксунских письмах 1853–1855 гг. вместе образуют некий комплекс, а эпистолярные сведения скрупулезно передают образы усадебной жизни. Письма Елизаветы Васильевны родственникам, достаточно частые, похожи

на подневные репортажи, щедрые отчеты. Они отчасти расшифровывают, комментируют литературно-поэтические нюансы в мемуарах, где речь идет о безымянной деревне, затерянной в глуши дремучих лесов недалеко от Оки, на берегу громадных прудов, окруженных густым и мрачным бором. Выксунское пространство, изображенное и в рисунках художницы Софьи Васильевны Сухово-Кобылиной, и в «Воспоминаниях» Е.М. Феоктистова, в текстах Евгении Тур вполне узнаваемо. Почти в каждом письме упоминается цветущий ухоженный сад и любимые цветы в нем. А долгие прогулки к огромным прудам каждый раз сопровождались приключениями. Отдельная тема — местные страшные сказания о братьях Андрее и Иване Баташевых, их забавах и театральных увлечениях, передаваемые старыми слугами. Так, в сообщениях, отправляемых сестре Евдокии Петрово-Соловово о выксунском распорядке, передается легенда о Баташеве, изготавливавшем фальшивые деньги и замурававшем в подземелье своих рабочих, когда стало известно о предстоящей проверке и о визите посланников императрицы Екатерины II. Оттуда, из подземелья под самым домом, ночами слышны «будто стоны». Вторая легенда, занимавшая воображение выксунцев в 1850-е гг., — история о разбойнике Кузьме Рошине (на ее основе создана повесть М. Загоскина в 1837 г., которая также известна кругу Е.В. Салиас де Турнемир), о прогулке-экскурсии на болото в сопровождении слуги Петра, где в незапамятные времена его отцу встретился сам атаман Рошин и показал место, где клад зарыт, одарил его золотыми монетами и кольцом в придачу. Эти «былички» придавали особый романтический колорит вакациям в Выксе, объясняли интерес к театральным затеям, игровому сочинительству и превращению этих преданий в постановки, пьесы, которые разыгрывались, как пишет Е.В. Салиас де Турнемир, в «естественных декорациях» — в поле, сосновом лесу или беседке. «Наша Чурова долина вечером погружается в сизый туман. Он ключьями висит на деревьях, такой плотный, подсвеченный светляками, словно куски театрального занавеса... Громадный старый дом скрипуч. Каждая половица и дверная петля играет свою симфонию скрипов, составляя редкостный оркестр. А капельмейстеры наши умеют играть на скрипучих инструментах так, что им позавидовали бы столичные музыканты»².

В письмах того периода есть свидетельство о «возобновлении» волшебной оперы «Сон наяву, или Чурова долина» (музыка А. Верстовского, либретто А.А. Шаховского по сказкам В. Даля). Возможно, опера после премьеры в 1844 г. в Большом театре уже имела выксунскую историю постановки, т.к. в репертуар усадебного театра входили комедии А.А. Шаховского. Как пишет Е.В. Салиас де Турнемир, она не знала лучшего исполнителя нечистой силы (Лешего, Домового и Водяного), чем Etien Saraschintsky (Степан Сарачинский), который был и хорошим актером, и «фантазером безудержным», неистовым и изобретательным «смесителем смешного и страшного, пугающего, что преследовало на каждом шагу, а мы с удовольствием вовлекались в игру».

*Т*рудно сказать, получался ли цикл подобных мистических постановок с использованием местного колорита, или речь идет только о единичном случае, но можно предположить, что в постановке о «двух разбойниках Баташевых и их верном атамане Кузьме Рошине» соединились две разные истории, чему «мы снова обязаны Степану Сарачинскому (Etien Saraschintsky), напугавшему нас и в то же время сильно позабавившему изображением в лицах своего ночного разговора с А.Р. Баташевым, в полночь сошедшим со своего портрета в одном из залов. С насупленными бровями, в сером кафтане и длинном камзоле, он грозно и глухо говорил: “Живей ломайте!”». Имя Etien Saraschintsky встречается в посланиях Салиас де Турнемир

² Здесь и далее отрывки из писем, хранящихся в Отделе рукописей РГБ в семейном фонде Сухово-Кобылиных и Петрово-Соловово (Ф. 223).

Here and below are excerpts from letters kept in the Manuscripts Department of the Russian State Library in the Sukhovo-Kobylin and Petrovo-Solovo family fonds (Ф. 223).

еще и в связи с их совместными «упражнениями»: они сочиняют/сочиняли и разыгрывают/разыгрывали драматические пословицы в духе Étienne Gosse, драматурга, поэта и журналиста. Не исключено, что это сочинительство и послужило одним из импульсов рождения комедии «Свадьба Кречинского» А.В. Сухова-Кобылина. Сам автор излагал свою версию по просьбе племянника Е.А. Салиаса:

Твоя мать написала около 1851 или 52 года очень ловкую сценку из светской жизни, un proverbe. У меня за обедом в интимном кругу зашла об ней речь, и я упрекнул твою мать, зачем она разменивает свой талант на мелкие вещи, а не пишет прямо для сцены и т[ак] далее. Конечно, стали говорить о сюжете, и я посоветовал написать нечто вроде будущего, т.е. зарождавшегося «Кречинского». Спросили лист бумаги, и я начал писать scénario. Бывший тут очень даровитый Преображенский офицер Etienne Сорочинский, превосходный рассказчик и театрал, предложил твоей матери писать вдвоем. Что и было принято. Я должен был составить весь план, за что я на другой же день и принялся. <...> Сестра Лиза и Сорочинский взялись за дело, но оно не пошло. Сорочинский писал глупости и вещи невозможные, и вообще дело не состоялось <...>.

К домашним выксунским шалостям Евгении Тур и Этьена (Степана) Сарачинского, фиксируемым в эпистолярном наследии Тур 1850-х гг., можно отнести и намерение составить драматическую пословицу на тему светских нравов и салонных оборотов речи, таких как в «Красной тетради» Бенжамена Констана о мужчинах: “Il y venait en hommes quelques gens comme il faut, et beaucoup d’escrocs” («Среди мужчин, которые туда приходили, было несколько людей comme il faut и множество проходимцев») — и о женщинах comme il faut Жорж Санд: “J’ai vu que les femmes comme il faut ne portaient pas de ces modes outrés qui nous arrivent de province et qui nous rendent si ridicules aux yeux des gens de bon goût” («Я видела, что женщины comme il faut не носили этих смешных фасонов, которые приходят к нам из провинции и делают нас столь смешными в глазах людей с хорошим вкусом»).

Обитатели и гости выксунской усадьбы принимали участие в домашних спектаклях. Варвара Кудрявцева раскрыла здесь свой талант «комической актрисы». Она блистала в роли Марии (т.е. Марии Австрийской, героини пьесы «Пятнадцатилетний король» в переводе А. Жандра. — Е. П.), а «реплику — “...Если же Вы желаете знать причину моей веселости, то спросите вашу невесту...” — она произносила с неподражаемой грацией». Н.Д. Шепелев, владелец имения, страстный театрал, и В. Кудрявцева нередко партнерствовали на сцене, увлекая выксунских зрителей пластичностью, тонким юмором импровизаций, способностью живо и точно передать характеры персонажей. А в 1851 г. Шепелев составил манифест-регламент о правилах «театрального этикета» в Выксе и шуточный договор, предназначенный для В.А. Кудрявцевой, в 12 пунктах которого были прописаны «обязательства» Варвары Арсентьевны и предполагаемый репертуар, подобранный для нее хозяином усадьбы.

Таким образом, реконструкция повседневности усадебного театра в Выксе при сопоставлении опубликованных материалов и неопубликованных архивных источников в наследии Евгении Тур дает возможность расширить представления о феномене домашнего и крепостного театра, увидеть его сложную роль в русской культуре XVIII–XIX вв., уточнить репертуар, «труппу» этой усадебной сцены, а также прояснить генезис драматургии 1820–1850-х гг.

Но вернемся к журналистской работе Евгении Тур. Название одного из путевых обозрений — «Шесть недель в гостях и дома», обращенное к сыну Евгению Салиасу, соответствовало ее всегдашней «охоте к перемене мест», непоседливости [Тур, 1862: 40–74]. Это формула ее бытия — в гостях и дома. Всегда на пороге, с дорожным саквояжем. Эпистолярный эпос, романский травелог, мемуары, беллетристика. Постоянная смена жанров, их соединение, сплав, игра сразу на нескольких клавиатурах. Писательская амальгама нуждалась в постоянной подпитке, общении, среде, каковой и стал литературный салон, возникавший почти стихийно и дома, и в гостях, сопутствовавший всем ее странствиям и переездам. Евгения Тур, находясь в центре многих ли-

тературных процессов, несколько десятилетий подряд была на виду, ее «центральность», в свою очередь, отразилась в зеркалах, преимущественно мужских, но не только. Рецепция ее литературных и человеческих качеств, симпатизирующая, ироническая, создала многослойную легенду о ней, в какой-то степени антикульт, отчасти упростив, исказив подлинные черты. Механизмы рождения этого мифа, породившего и антимиф, — отдельная тема. Но те, в ком Е.В. Салиас принимала особое участие и кому нередко помогала, внесли свою лепту в создание ее карикатурного образа. К ним относится прежде всего Лесков. Напомним, что в 1861 г. он получил приглашение к участию в журнале «Русская речь», а позднее изобразил Е.В. Салиас в романе «Некуда». Евгения Тур — узнаваемая маркиза Ксения Григорьевна де Бараль, «царица углекислых фей» с беспокойно «шныряющим зайцем в голове». Недавно опубликованные «анекдотические наброски памяти» родственницы Евдокии Новосильцевой (1861–1941) дополняют лесковскую интерпретацию комической «взбалмашности»:

...Из давних событий помню, что к Русско-турецкой войне графиня относилась более чем равнодушно, но все переменилось с походом Гурко через Балканы. Графиня стала летать по Москве и говорила только о Гурко. Моя тетка, Софья Владим. Энгельгардт, сказала по поводу ее поведения: «Это не патриотизм, это гуркобесие».

Мои тетки были большими и преданными друзьями графини, они поддавались ее влиянию и ее деспотизму, особенно тетя Варя, которую она исключительно любила. Но это не мешало ей говорить тете Варе, когда та что-нибудь рассказывала: «Варенька, говори скорей, потому что ты говоришь вздор».

Племянница графини Маруся Петрово-Соловова и я, мы каждый раз помирали со смеху, когда графиня проводила у нас вечер. Она часто говорила моим теткам, которые были умны, но безумны: «Продайте вы заживо ваши головы, как Патти продала свое горло. Вам дадут за них большие деньги».

Я помню, как-то раз графиня влетела к нам с шумом и треском, как всегда, а моя тетка Екатерина Владим. сказала: "J'aimegai mieux avoir affaire à un regiment de prussiens, qu'à Lise Saliace" («Мне хотелось бы больше иметь дело с отрядом пруссаков, чем с Лизой Сальяс»). На что вдова композитора Дёлера ответила: "Je crois bien, il y a la discipline" («Я это понимаю, там есть дисциплина»). Бурные сцены происходили при каждом появлении у нас графини, которые кончались обыкновенно тем, что она вылетала в переднюю со словами: «Боже мой, и зачем я так полюбила этот ужасный дом!» [Соколова, 2016: 64–87].

Отзывы Тургенева о ней П.А. Вяземскому, Полине Виардо, неизменно высокие, обернулись карикатурной Матреной Суханчиковой в романе «Дым»:

Сама она была, бесспорно, женщина умная, образованная, талантливая, но исполненная больших странностей... Она вся была пыл, экстаз, восторженность, но условливалось это не сердцем, а невероятною какою-то болезненною ее нервозностью... Никогда, даже в очень старческие годы, не удавалось ей достигнуть неограниченного блага — душевного спокойствия; она все волновалась, выходила из себя; одно до последней крайности доведенное увлечение сменялось у нее другим, столь же крайним; беседа с ней представляла нередко очень много интересного, но гораздо чаще действовала утомительно. И, Боже мой, как любила она говорить! Это была для нее жизненная потребность, необходимое условие ее существования; она была в состоянии просиживать по целым часам даже с вовсе неумным человеком, лишь бы он с покорностью прислушивался к потоку ее речи. Под влиянием обычного своего возбуждения она постоянно создавала себе миражи, видела людей не такими, какими они были в действительности, а какими создавало их ее воображение; эта женщина, по натуре своей в высшей степени искренняя, извращала факты, выдавала за достоверное то, чего никогда не было и не могло быть, и все это отнюдь не с умыслом, а с твердою уверенностью в своей правдивости [Феоктистов, 1929: 362].

«Миражность» графини. Феоктистов нашел слово и нечаянно поставил обобщающий диагноз. Разброс свидетельств современников, интимных и публичных, в конце концов прижизненная условная канонизация — обретение статуса литературного персонажа — придавали особое качество миражам, ею создаваемым в сочиненном, придуманном быту литературном и в житейском порядке, в отношениях с миром. Отсюда отчасти ускользающе тревожный — миражный — характер облика и литературного почерка Евгении Тур, природа которого в полной мере прояснится, когда будет расшифровано, прочитано и систематизировано ее разрозненное наследие.

Литература

Бирюкова М.А., Стрижев А.Н. Евгения Тур (1815–1892): материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2015. № 36. С. 257–310.

Добролюбов Н.А. Издания общества распространения полезных книг: 1) Жизнеописание замечательных людей. Елизавета Фрей. Соч. Е. Тур: [рецензия] // Современник. М., 1861. № 8. Отд. «Современное обозрение». С. 317–324.

Ипатова С.А. Е.В. Тур — забытый поэт «Отечественных записок» (1856–1859) // Некрасов в XXI веке: материалы международного научного конгресса. М., 2021. С. 50–56.

Пенская Е.Н. «Потерянный рай» Евгении Тур (Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир и ее «Воспоминания») // Toronto Slavic Quarterly. 2012. No. 39. P. 194–227.

Пенская Е.Н. Травелог как полилог: (типология жанра в семейных мемуарах Салиасов — Сухово-Кобылиных). Томск: Томский гос. ун-т, 2013. С. 416–465.

Смирнова О.В. Евгения Тур: судьба женщины-писательницы в России XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.

Соколова Т.В. Евгения Тур в воспоминаниях Евдокии Александровны Новосильцовой // Октябрь. 2016. № 11. С. 64–87.

«Странная судьба»: (из дневников А.В. Сухово-Кобылина). М.: Советская Россия, 1987.

Строганова Е.Н. «Что-то странное со мною. Зачем родилась? Зачем любила? Зачем живу?»: к биографии Е. Салиас де Турнемир // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 217–244.

Тур Е. Крымские письма // Санкт-Петербургские ведомости. 1853. № 203. С. 827–829.

Тур Е. Шесть недель в гостях и дома. К.Е.А.С. // Время. 1862. № 4. С. 40–74.

Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л.: Прибой, 1929.

References

Biryukova M.A., Strizhev A.N. Evgeniia Tur (1815–1892): materialy k bibliografii // Literaturovedcheskii zhurnal. 2015. No. 36. S. 257–310.

Dobrolyubov N.A. Izdaniia obshchestva rasprostraneniia poleznykh knig: 1) Zhizneopisaniia zamechatel'nykh liudei. Elizaveta Frei. Soch. E. Tur [recenziya] // Sovremennik. Moscow, 1861. No. 8. Otd. "Sovremennoe obozrenie". S. 317–324.

Ipatova S.A. Z.V. Tur — zabytyi poet "Otechestvennykh zapisok" (1856–1859) // Nekrasov v XXI veke: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa. Moscow, 2021. S. 50–56.

Penskaya E.N. "Poteriannyi rai" Evgenii Tur (Elizaveta Vasil'evna Salias-de-Turnemir i ee "Vospominaniia") // Toronto Slavic Quarterly. 2012. No. 39. P. 194–227.

Penskaya E.N. Travelog kak polilog: (tipologiya zhanra v semeinykh memuarakh Saliasov — Sukhovo-Kobylinykh). Tomsk: Tomskii gos. un-t, 2013. S. 416–465.

Smirnova O.V. Evgeniia Tur: sud'ba zhenshchiny-pisatel'nitsy v Rossii XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver, 2005.

Sokolova T.V. Evgeniia Tur v vospominaniakh Evdokii Aleksandrovny Novosil'tsovoi // Oktabr'. 2016. No. 11. S. 64–87.

"Strannaia sud'ba": (iz dnevnikov A.V. Sukhovo-Kobylyina). Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1987.

Stroganov E.N. "Chto-to strannoe so mnoiu. Zachem rodilas'? Zachem liubila? Zachem zhivu?": k biografii E. Salias de Turnemir // Voprosy literatury. 2015. No. 2. S. 217–244.

Tur E. Krymskie pis'ma // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1853. No. 203. S. 827–829.

Tur E. Shest' nedel' v gostiakh i doma. K.E.A.S. // Vremia. 1862. No. 4. S. 40–74.

Feoktistov E.M. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896. Leningrad: Priboi, 1929.

Пенская Елена Наумовна,

доктор филологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»;
руководитель группы Центра междисциплинарных исследований
Московский физико-технический институт

Penskaya Elena N.,

Doctor of Philology, Professor
National Research University "Higher School of Economics";
Head of the Group of the Center for Interdisciplinary Research
Moscow Institute of Physics and Technology

e-mail: e.penskaya@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-2469-584X

